

нать в византийскую географическую науку. В таких сферах знания, как космография, география, космология, имели место сложные взаимодействия и взаимное отрицание античных и христианских теорий<sup>67</sup>.

В IV—VI вв. оформились две основные школы христианской географической мысли. Первая, «антиохийская», отличалась догматическим подходом к истолкованию священного писания и крайне негативным отношением к античной географии. Основные космогонические принципы этой школы состояли в признании плоской земли, над которой распростерто куполообразное твердое небо; существования двух небес, между которыми заключены небесные воды единого океана, окружающего сушу со всех сторон. Эти идеи высказывались и разрабатывались в произведениях Диодора Тарсского, Феодора Мопсуэстрийского, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и нашли полное выражение в «Гексамероне» Севериана из Габалы. Последователем и наиболее талантливым популяризатором положений «антиохийской школы» был Косьма Индикоплов. Принципы «антиохийцев» завоевали себе господствующее положение в средневековой географии и сыграли в ее развитии крайне реакционную роль, ибо заменили созданную античными классиками модель мироздания (неполную, не вполне точную, но научную по существу) фантастической картиной мироустройства, не имевшей ничего общего с наукой<sup>68</sup>.

Другое направление в развитии географической мысли той эпохи можно назвать «каппадокийско-александрийским». Его приверженцами были великие каппадокийцы, прежде всего Василий Великий и Григорий Нисский, александрийский ритор Иоанн Филопон, константинопольский поэт Георгий Писиды. Для этих мыслителей характерно уважительное отношение к языческому наследию, активное использование идей античных философов и географов. Главные отличительные черты этой школы — признание шарообразности земли, сферичности небес, окружающих землю со всех сторон, стремление решать географические проблемы исходя скорее из их внутреннего содержания, чем из библейских построений. При всем том, что и представители этой школы оставались христианами экзегетами, и их концепции во многих аспектах были ограничены влиянием богословской традиции, именно они являлись выразителями прогрессивного в условиях раннего средневековья течения в географии. Его прогрессивность не в самостоятельных теоретических достижениях, а в сохранении для будущего ряда важнейших идей античной науки<sup>69</sup>.

В ранней Византии одновременно продолжают развиваться унаследованные от античности жанры географической литературы. Характерной чертой подобного рода произведений — итинерариев, периплов, индексов географических названий — для ранневизантийской эпохи была их утилитарность и энциклопедизм. Христианство оказало на развитие этого вида литературы лишь формальное и сугубо поверхностное влияние. Что же касается собственно космогонической и географической теории, то борьба античных и христианских концепций здесь в целом завершилась победой христианства. В последующие века господствующей стала «антиохийская» концепция мироздания; в сфере конкретной географии в основном продолжалось развитие античных тем и жанров, включенных в христианскую культуру. Географическая мысль ранней Византии смогла впитать в себя значительную часть опыта античной науки и передать ее последующим поколениям<sup>70</sup>.

<sup>67</sup> Удальцова З. В. Основные направления развития византийской культуры IV—первой половины VII в. — ВДИ, 1984, № 1, с. 16—18.

<sup>68</sup> Wolska W. La Topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustes. Théologie et science au VI<sup>e</sup> siècle. P., 1962; Удальцова З. В. Страницка из истории византийской культуры, с. 206—212.

<sup>69</sup> Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au X<sup>e</sup> siècle. P., 1971, p. 24—25, 51—52; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner, Bd. II, S. 225, 227.

<sup>70</sup> О развитии географических знаний см.: Kretschmer K. Die physische Erdkunde im christlichen Mittelalter. Versuch einer quellenmässigen Darstellung ihrer histo-